

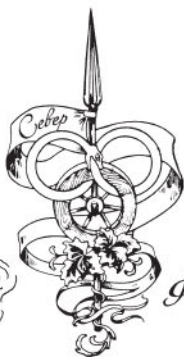
Мертвое море

острова
Айл Дашар

океан
Арийт

Бандар
Эбан

Север

Фалле

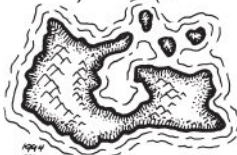

океан
Арийт

Планчико

остров
Тремалкин

остров
Патинк

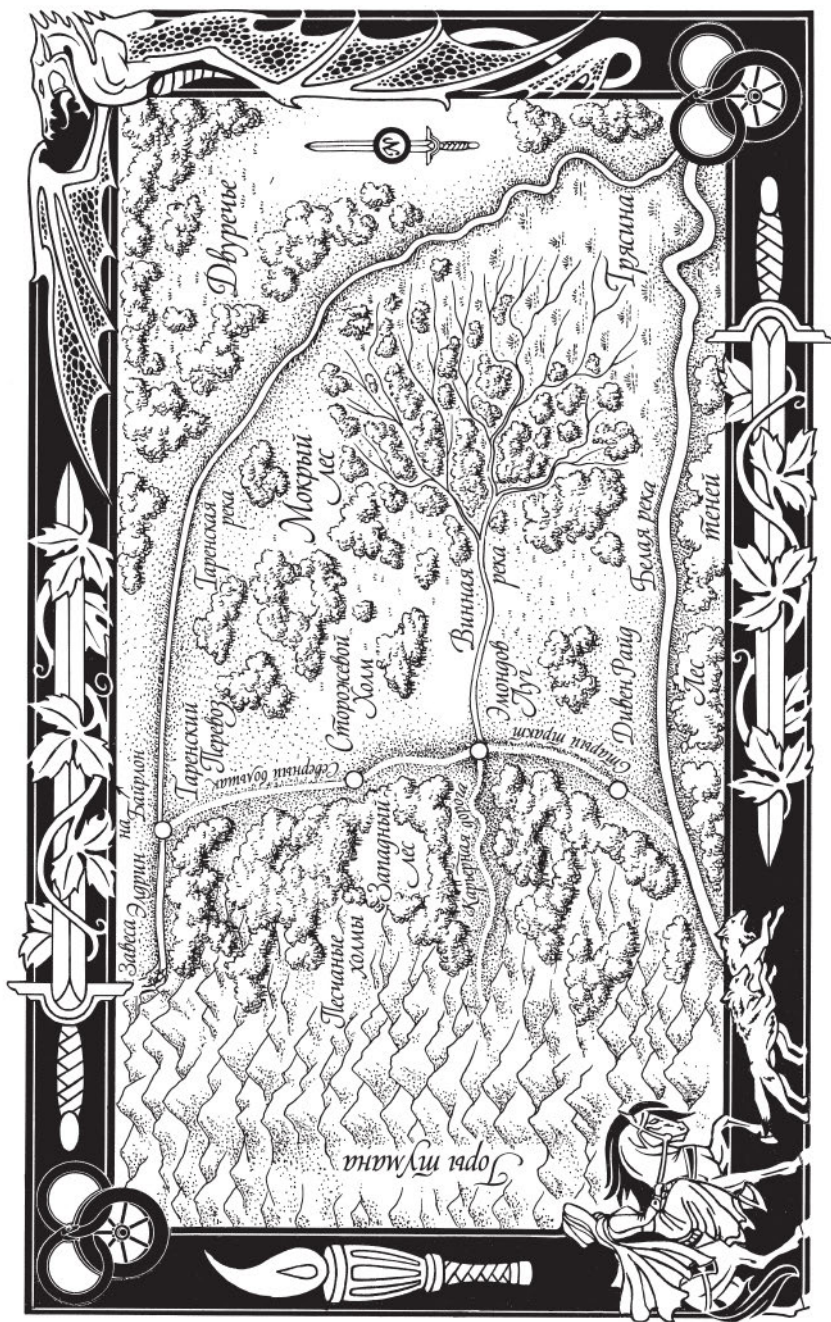
Палец
Замерзшего
под Ветром

остров
Куайм

Эбу Дар

РАНЕЕ

Вороны

Здесь, вдали от Эмондова Луга, на полпути к Мокрому лесу, берега Винной реки обступали деревья. По большей части это были ивы, и их ветви с плотной листвой накрывали полосу воды вдоль берега тенистым пологом. Лето кончилось совсем недавно, солнце подбиралось к зениту, но легкий ветерок, холодивший вспотевшее тело, заставил Эгвейн зябко поежиться. Подвязав юбки коричневого шерстяного платья чуть выше колен, она зашла в реку, собираясь набрать воды в деревянное ведро. Парни входили в воду запросто, не волнуясь, что намочат штаны. Среди девочек и мальчишек, наполнявших ведра деревянными черпаками, нашлись такие, кто со смехом норовил плеснуть друг на друга водой, но Эгвейн наслаждалась тем, как поток, журча, обтекает ее голые ноги, как пальцы ног зарываются в песчаное дно, когда она возвращалась на берег. Она не играть сюда пришла. В свои девять лет она отправилась по воду впервые, намереваясь стать лучшим водоносом.

Остановившись на берегу, девочка поставила ведро и поправила юбки, вновь опустив подол до щиколоток. И заново перевязала темно-зеленый платок, которым были перехвачены на затылке волосы. Она очень хотела, чтобы ей разрешили подрезать их покороче — по плечи или вообще как у мальчишек. Конечно, когда-то ей нужно будет ходить с длинными волосами, так ведь до этого еще столько лет! Ну почему все время приходится делать что-то лишь потому,

что так делалось всегда? Но Эгвейн знала свою мать и понимала: волосы у нее останутся длинными.

В сотне шагов ниже по течению мужчины, зайдя в воду по колено, купали в реке черномордых овец, которых позже собирались стричь. При этом они внимательно следили за тем, как животные заходят в поток и возвращаются обратно. Хоть Винная река была тут не так быстра, как в Эмондовом Лугу, но и медленным назвать течение было нельзя. Овца, унесенная течением, может утонуть раньше, чем сумеет выбраться на берег.

Крупный ворон перелетел через реку и поблизости от того места, где селяне купали овец, уселся на липу, выбрав ветку повыше. Почти сразу же на ворона, громко чирикаая, сверху принялся налетать краснохолик — вокруг черного силуэта так и мелькал красный сполох. Похоже, у краснохолика поблизости было гнездо. Но вместо того чтобы взлететь и, быть может, напасть на встревоженную птичку, ворон переступил лапами по суку и переместился вбок, под слабое укрытие нескольких веток поменьше. Ворон глядел вниз, на работающих мужчин.

Случалось, вороны досаждали овцам, но то, что этот ворон совершенно не обращал внимания на попытки краснохолика отпугнуть его, было в крайней степени необычно. Более того, у Эгвейн возникло странное чувство, что черная птица наблюдает именно за людьми, а не за овцами. Это уж совсем глупо, разве только... Она слышала, люди поговаривают, будто вороны и вороны являются глазами Темного. От такой мысли у девочки по рукам и по спине побежали мурашки. Вот же глупая мысль! Что бы такого Темному захотелось увидеть в Двуречье? В Двуречье никогда ничего не происходит.

— Эгвейн, чем ты тут занимаешься? — спросил, остановившись рядом с нею, Кенли Ахан. — Сегодня ты не можешь играть с детьми. — Он был старше на два года и держался очень прямо, стараясь выглядеть выше ростом, чем был на самом деле. Нынешний год был последним, когда в пору стрижки овец в его обязанности входило таскать воду, и вел паренек себя так, будто это обстоятельство наделяло его какой-то значимостью.

Эгвейн пристально посмотрела на Кенли, но ее взгляд не подействовал так, как она надеялась.

Он скривился и с недовольным выражением на квадратном лице промолвил:

— Коли тебе худо стало, сходи к Мудрой. А коли нет... ну... не мешкай с работой. — И с коротким кивком, будто бы разрешив проб-

лему, Кенли поспешил прочь, явно напоказ неся свое ведро одной рукой, держа его на отлете.

«Долго он так ведро не протащит, лишь пока у меня на виду», — угрюмо подумала Эгвейн. Ей необходимо поработать над этим взглядом. Эгвейн видела, что у девушек постарше все получалось как надо.

Ручка черпака скользнула по краю ведра, когда девочка подняла его двумя руками. Ведро было тяжелым, а для своего возраста она не отличалась ни ростом, ни силой, но Эгвейн, как могла, заторопилась следом за Кенли. Разумеется, вовсе не из-за его слов. У нее еще много работы, и она намерена стать лучшим водоносом. С самым решительным выражением лица девочка зашагала вперед, из-под тенистого полога приречных деревьев навстречу солнечному свету, и под ногами у нее шуршал подстил прошлогодних листьев. Жара стояла умеренная, и несколько маленьких белых облачков в высоком небе, казалось, еще более усиливали яркость утра.

Большую часть года окруженный кольцом деревьев луг вдовы Айнал — сколько помнили, так его называли все, хотя никто ведать не ведал, кто такая эта вдова Айнал, — оставался пустым, сегодня же здесь не протолкнуться было от людей и овец, и число овец намного превышало число людей. Тут и там из земли торчали большие камни, некоторые высотой в человеческий рост, но они не были помехой оживлению, царившему на лугу. Сюда собрались селяне со всех ферм, разбросанных вокруг Эмондова Луга, деревенский люд явился помочь родичам. В деревне у всех кто-то из друзей или родственников жил на одной из окрестных ферм. А стрижка овец проходила ныне по всему Двуречью, от Сторожевого Холма и до Дивен Райд. Исключая, разумеется, Таренский Перевоз.

По такому случаю, следуя обычаю, многие женщины красовались в свободно наброшенных на плечи шалях, их прически были украшены цветами, так же принарядились и несколько девушек, из тех, что постарше, хотя они еще и не заплетали волосы в длинные косы, как это положено женщинам. Нашлись и такие, кто оделся в платья с вышивкой по вороту, будто сегодня и в самом деле был праздник. Большая же часть мужчин и мальчишек, напротив, пришли на луг без курток, а кое у кого даже завязки на воротах рубашек были распущены. Эгвейн никак не могла взять в толк, почему им это позволили. За работой женщинам было так же жарко, как и мужчинам.

В дальнем конце луга, в просторных загонах из жердей, держали как уже остриженных овец, так и тех, что ожидали купания; за животными приглядывали мальчишки лет двенадцати и старше. Пасту-

шьи собаки, вольготно разлегшиеся поблизости от загонов, для подобной работы совершенно не годились. Мальчишки должны были с помощью деревянных пастушьих посохов загонять овец в речку, а затем, после купания, не позволять им ложиться на землю и не давать вновь испачкаться. Когда животные обсохнут, мужчины на этой стороне луга приступят к стрижке шерсти. Остриженных овец мальчишки отгоняли обратно в загон, а настриг мужчины относили к дощатым столам, где женщины шерсть сортировали и складывали для упаковки в кипы. Они вели счет, и им нужно было внимательно следить, чтобы шерсть овец от одного хозяина не смешалась с шерстью овец от другого. Эгвейн заметила, как у деревьев по левую руку от нее на длинные столы, установленные на козлах, часть женщин уже начинали раскладывать еду для полуденной трапезы. Если Эгвейн будет хорошо выполнять то, что ей поручено сейчас — носить воду, — то, может, не через два года, а уже на следующий ей разрешат помогать с едой или с сортировкой шерсти. Если она всегда будет делать работу лучше всех, то впредь больше никто не назовет ее снова ребенком.

Эгвейн стала пробираться сквозь толпу, неся ведро то двумя руками, то одной, время от времени меняя руку, иногда приостанавливаясь, если кто-то просил зачерпнуть ковш воды. Вскоре девочка вновь вспотела, на шерстяном платье проступили темные пятна. Возможно, мальчишки, расшнуровавшие ворота рубашек, поступили так вовсе не по глупости. Она старалась не обращать внимания на малышей, что носились вокруг с обручами, гоняли мячики или играли «в собачки».

Всего пять раз в году собиралось столько народу: первый — на Бэл Тайн, который уже миновал; второй раз — на стрижку; затем — когда купцы являлись за шерстью, но до этого целый месяц, а то и больше; потом — когда снова приезжали купцы, но уже за выдержанным табаком, после Дня солнца; и осенью, на День дураков. Конечно, были и другие праздники, но ни одного такого, когда все собиравлись бы вместе.

Эгвейн не переставая шарила взглядом по толпе. В таком многолюдье можно запросто наткнуться на одну из ее четырех сестер. Их она всегда старалась избегать. Хуже всего было с Беровин, самой старшей. Прошлой осенью костеломная горячка сделала ее вдовой, и по весне она вернулась домой. Не сочувствовать Беровин было нельзя, но сестра так суежилась, желая приехать Эгвейн и причесать ей волосы. Иногда она плакала и говорила Эгвейн, как замечательно, что горячка не отняла и ее малышку-сестру. Сочувствовать Бе-

ровин было бы легче, если бы Эгвейн сумела отделаться от мысли, что иногда старшая сестра видит в ней младенца, которого потеряла вместе с мужем. А может быть, не иногда, а всегда. Поэтому она высматривала в толпе Беровин. Или любую из сестер. Всего лишь.

Оказавшись возле загонов, Эгвейн остановилась и утерла со лба пот. Ведро у нее полегло, и теперь его можно было без труда держать одной рукой. Девочка опасливо оглядела собаку, оказавшуюся к ней ближе остальных псов, лежавших возле загонов. Крупная зверюга серого окраса, с короткой вьющейся шерстью и умными глазами, казалось, понимала, что опасности для овец Эгвейн не представляет. Тем не менее собака была здоровенной — взрослому мужчине почти по пояс. Собаки главным образом помогали охранять стада на пастбищах, защищая их от волков, медведей и больших горных рысей. Потихоньку Эгвейн отступила от собаки подальше. Мимо трое мальчишек погнались к реке несколько десятков овец. Ребята были лет на пять-шесть старше ее и даже не взглянули на Эгвейн, целиком сосредоточившись на овцах. По ее разумению, ничего сложного в том, чтобы перегнать овец, не было, с таким делом даже она бы справилась, тут главное — проследить, чтобы ни одна из овец не успела пощипать травы. Овца, поевшая перед стрижкой, могла задохнуться и умереть. Бросив быстрый взгляд на других ребят, стоявших поблизости, Эгвейн удостоверилась, что среди нет никого, с кем бы ей хотелось поговорить. Не то чтобы она высматривала кого-то специально, болтовни ради. Очень надо! Просто посмотрела, и все. Все равно скоро снова надо будет наполнить ведро. Самое время отправиться обратно к Винной реке.

На этот раз Эгвейн решила пройти мимо ряда длинных столов. От соблазнительных запахов буквально слюнки текли, угощения на столах были ничуть не хуже, чем в любой другой праздник; все здесь было — от жареного гуся до медовых кексов. Пряный запах медовых кексов дразнил и манил сильнее всего. По случаю стрижки овец все женщины, которые могли хорошо готовить, постарались на славу. Идя мимо столов, Эгвейн предлагала воду женщинам, которые расставляли блюда и раскладывали приготовленную еду, но те лишь улыбались девочке, отрицательно качая головой. Она, однако, продолжала свой путь вдоль столов, и вовсе не из-за запахов. Да, рядом на кострах кипела вода для чая, но кто-то же из женщин мог захотеть выпить холодной речной воды. Теперь, наверное, уже не такой холодной, но все-таки...

Впереди, возле столов, Эгвейн заметила Кенли, который почему-то весь сгорбился, вовсе не пытаясь, как обычно, казаться выше.

Наоборот, сейчас он старался сделаться ростом как можно меньше. В одной руке Кенли все так же держал ведро, но, судя по тому, как оно у него качалось, уже пустое, вряд ли он мог кому-нибудь дать напиток. Эгвейн нахмурилась. Вид у Кенли был... вороватый, что ли. С чего бы это?.. Вдруг рука Кенли метнулась к столу и схватила один из медовых кексов.

Эгвейн от негодования аж рот раскрыла. И он еще смел говорить ей о детских играх? Да он ничем не лучше Ивина Финнгара!

Не успел Кенли сделать и шага, как на него ловчим соколом накинута миссис Айеллин, одной рукой ухватила парня за ухо, а другой отобрала кекс. Это были ее медовые кексы. Корин Айеллин, стройная, с толстой седой косой, опускавшей ниже бедер, делала лучшую во всем Эмондовом Лугу сладкую выпечку. «Не считая моей матери», — неизменно добавляла про себя Эгвейн. Но даже мать Эгвейн говорила, что у Корин получается лучше. Но только со сладостями, разумеется. Миссис Айеллин щедрой рукой раздавала хрустящие пирожки и куски пирога, если, конечно, не близилось время обеда или если чья-то матушка не просила ее так не делать, зато сурово обходилась с мальчишками, которым взбрело в голову стянуть что-то из вкусенького у нее за спиной. И не только с мальчишками. Миссис Айеллин называла это воровством, а воровства она не терпела.

Не отпуская ухо Кенли, миссис Айеллин грозно качала пальцем у него перед носом, что-то выговаривая тихим голосом. Лицо у Кенли скривилось, будто он вот-вот расплачется, мальчишка сжимался и съеживался, пока не стал казаться ниже Эгвейн. Она кивнула, довольная. Теперь вряд ли в ближайшее время Кенли вздумается кем-то командовать.

Проходя мимо миссис Айеллин и Кенли, девочка постаралась держаться подальше от столов, чтобы никто не заподозрил, будто ей хочется стащить сладости. Такая мысль ей и в голову не приходила. Нет, чуть-чуть приходила, конечно, но «чуть-чуть» не считается.

Внезапно Эгвейн подалась вперед, вглядываясь между спящими перед ней людьми. Да, точно, это Перрин Айбара, крепко сложенный, широкоплечий мальчишка, ростом выше большинства своих сверстников. А еще он — друг Ранда. Эгвейн двинулась сквозь толпу, не обращая внимания на то, просят ли у нее попить или нет, и остановилась только тогда, когда очутилась в нескольких шагах от Перрина.

Тот был вместе со своими родителями. Мать держала на руках малютку Пэтрама, а Диселле, младшая сестра Перрина, рукой цеплялась за юбку матери, с интересом разглядывая людей вокруг и овец, которых гнали мимо. Другая сестра Перрина, Адора, стояла, скрестив руки на груди и отвернув от матери обиженное лицо. Носить воду Адоре еще рано, для этого нужно подождать до следующего года, и девочке, наверное, очень хотелось пойти поиграть с подругами. К семейству Айбара присоединился мастер Лухан. В Эмондовом Лугу он был самого высокого роста, его могучие руки были что твой ствол дерева, а белая рубашка на мощной груди, казалось, вот-вот лопнет. По сравнению с ним мастер Айбара выглядел не просто стройным, а скорее худым. Мастер Лухан беседовал с обоими — и с миссис Айбара, и с мастером Айбара. Это озадачило Эгвейн. Мастер Лухан был кузнецом в Эмондовом Лугу, но вряд ли кто-то из родителей Перрина отправился бы вместе со всем семейством просить у него что-нибудь выковать. Еще кузнец был членом Совета деревни, но и тогда непонятно. Кроме того, о делах Совета миссис Айбара стала бы говорить не раньше, чем мастер Айбара о делах Круга женщин. Пускай Эгвейн всего девять лет, но уж это-то она знала наверняка. О чем бы супруги Айбара ни беседовали с кузнецом, разговор уже почти прекратился, и это хорошо. Ей дела нет до того, о чем они говорили.

— Он хороший паренек, Джослин, — сказал мастер Лухан. — Хороший паренек, Кон. Он отлично справится.

Миссис Айбара улыбнулась. Джослин была красивой женщиной, и, когда она улыбалась, казалось, даже солнце светило ярче. Отец Перрина тихонько рассмеялся и потрепал сына по голове, взъерошив его кудрявые волосы. Перрин сильно покраснел, но ничего не сказал. Он вообще был стеснительным и не слишком-то разговорчивым.

— Я хочу полетать, Перрин, — протянула к нему руки Диселле. — Сделай, чтобы я полетала.

Перрин вежливо поклонился взрослым, повернулся к сестре и взял ее за руки. Они отошли от остальных на несколько шагов в сторону, а потом Перрин закружился на месте, быстрее и быстрее, пока ноги Диселле не оторвались от земли. Он крутил девочку все выше и выше, описывая огромные круги, а та лишь довольно хохотала.

Через несколько минут миссис Айбара сказала:

— Хватит, Перрин. Опустит, пока ее не замутило. — Но сказано это было добродушно и с улыбкой.

Едва ноги Диселле коснулись земли, она обеими руками ухватилась за руку Перрина, девочку слегка пошатывало, и, возможно, еще немного — и ее бы точно стошнило. Однако она продолжала смеяться и требовала от Перрина, чтобы тот ее покружил снова. Качая головой, он наклонился, чтобы ей что-то сказать. Перрин всегда был таким серьезным. И смеялся не часто.

Вдруг до Эгвейн дошло, что еще кто-то наблюдает за Перрином. Силия Коул, розовощекая девчонка, на пару лет старше ее, стояла в нескольких футах, глядя на Перрина телячьими глазами и с дуррацкой улыбкой на лице. Чтобы ее увидеть, ему достаточно было только голову повернуть! Эгвейн скривилась от отвращения. Никогда она не будет такой глупой, чтобы строить глазки мальчишке, как какая-то шерстеголовая дуреха.

В любом случае Перрин старше Силии почти на год. Хорошо бы, конечно, если бы он был старше года на три-четыре. Может, у сестер Эгвейн и недоставало времени на разговоры с ней, но она слышала, что говорили девочки постарше — вполне взрослые и понимавшие, что к чему. Некоторые утверждали, что хорошо, если разница в возрасте будет значительнее, но большинство сходилось на трех-четыре года. Перрин взглянул на Эгвейн и Силию и продолжил негромкий разговор с Диселле. Эгвейн покачала головой. Может, Силия и дурочка, но не мог же он не заметить...

Какое-то движение в ветвях большого водяного дуба позади Силии привлекло внимание Эгвейн, и она вздрогнула. Наверху сидел ворон и, кажется, по-прежнему наблюдал за людьми. И на той высокой сосне обнаружился еще один ворон, и еще один сидел на другой, и еще — на ветке орешника-карии... Она разглядела девять или десять птиц, и все они как будто за чем-то наблюдали. Должно быть, у нее воображение разыгралось. Всего лишь ее...

— Почему ты на него пялишься?

Вздрогнув, Эгвейн дернулась и, резко развернувшись на голос, ударила коленом о ведро. Хорошо еще, что ведро было почти пустым, а то недолго и пораниться. Она переступила с ноги на ногу, жалея, что не может потерять ушибленную коленку. Рядом, с озадаченным выражением на лице, стояла Адора и глядела на Эгвейн снизу вверх, но и сама Эгвейн была смущена не меньше ее.

— О чем ты, Адора?

— О Перрине, конечно. Почему ты пялишься на него? Все говорят, что ты выйдешь замуж за Ранда ал'Тора. Ну я про то, когда вырастешь и будешь волосы в косу заплетать.

— Это как «все говорят»? — с опасными нотками в голосе промолвила Эгвейн.

Адора захихикала. Это было невыносимо. Сегодня все шло не так.

— Перрин, конечно, симпатичный. Я это слышала от многих девчонок. И многие девчонки глаза на него пялят, прямо как ты и Силия.

Эгвейн заморгала и постаралась выбросить последние слова Адоры из головы. Вовсе она на него не пялилась и тем более нисколько не так, как Силия! И вообще, Перрин разве симпатичный? Перрин? Она обернулась через плечо, чтобы разглядеть, что в нем такого симпатичного. Однако Перрина там уже не было! Его отец по-прежнему стоял вместе с матерью, с Пэтрамом и Диселле, но Перрина рядом не было видно. Вот незадача! Она ведь собиралась за ним проследить.

— Адора, тебе без кукол своих не скучно? — сладким голосом спросила Эгвейн. — Я думала, ты из дома не выходишь, не взяв с собой парочку кукол.

Адора, раскрыв рот, с возмущением уставилась на Эгвейн, что ту вполне удовлетворило.

— Прошу прощения, — промолвила Эгвейн, прошествовав мимо девочки. — Кое-кто из нас уже достаточно взрослый, и этому кое-кому надо работать. — И, направившись обратно к реке, она постаралась не хромать.

На этот раз Эгвейн не стала наблюдать, как купают овец, и даже изо всех сил старалась не замечать в ветвях ворона. Девочка осмотрела колено, но там даже синяка не было. На обратном пути на луг с полным ведром воды она приказала себе не хромать. Это просто мелкая неприятность.

Эгвейн ходила по лугу, останавливаясь только для того, чтобы дать желающим зачерпнуть ковшем из ведра пару глотков воды, и при этом бегала глазами по сторонам, высматривая сестер. И еще — Перрина. Мэт подошел бы не хуже Перрина, но его она тоже нигде не видела. Вот ведь проклятая Адора! Как она посмела такое говорить!

Проходя мимо столов, за которыми женщины сортировали шерсть, Эгвейн остановилась как вкопанная, увидев младшую из старших своих сестер.

Эгвейн замерла, надеясь, что Луиза не станет глядеть в ее сторону, ну хоть с полминуточки. Вот что бывает, когда стараешься высмотреть одновременно и Перрина с Мэтом, и сестер. Луизе было всего пятнадцать, но она, оперев руки в боки и с самым угрюмым

выражением лица, спорила с Дагом Коплином. Называть его мастером Коплином Эгвейн никак себя не могла заставить, разве что только вслух, из вежливости; ее мать всегда говорила, что вежливой надо быть со всеми, даже с такими, как Даг Коплин.

Даг был морщинистым стариком с седыми волосами, которые он мыл не очень-то часто. А может, вообще не мыл. На бирке, свисавшей на шнурке со стола, красовалась чернильная метка, соответствующая выщипам на ушах принадлежащих ему овец.

— Это хорошая шерсть, а ты ее откладываешь, — рычал он на Луизу. — На моем собственном настриге меня не проведешь. Отойди-ка, я сам покажу тебе, что куда идет.

Луиза не сдвинулась ни на дюйм.

— Шерсть с брюха, зада и хвоста, мастер Коплин, нужно промывать дважды. — Она лишь слегка выделила слово «мастер». Девушка явно испытывала раздражение. — А вы не хуже меня знаете, что если купцы найдут хоть в одной кипе заново промытую шерсть, то за свой настриг все получат меньше. Может быть, мой отец сумеет объяснить вам это лучше меня.

Даг опустил подбородок и пробурчал что-то под нос. Он был не настолько глуп, чтобы иметь дело с отцом Эгвейн.

— Уверена, что и мать сможет это объяснить, чтобы вы поняли, — безжалостно добавила Луиза.

У Дага дернулась щека, и лицо его болезненно позеленело. Бормоча, что доверяет Луизе, пусть делает так, как надо, он попятился и поспешил отсюда подальше едва ли не бегом. Ему хватало ума не привлекать к себе внимание Круга женщин, если этого можно избежать. Луиза проводила Коплина твердым взглядом, преисполненным удовлетворения.

Улучив момент, Эгвейн рванула прочь и облегченно вздохнула, не услышав вслед оклик Луизы. Сестра предпочла сортировать шерсть, вместо того чтобы помогать готовить угощение, хотя куда с большим удовольствием она полазала бы по деревьям или искупалась в Мокром лесу, притом что большинство девочек в ее возрасте уже оставили в прошлом подобные забавы. И она непременно переложила бы работу по дому и по хозяйству на Эгвейн, подвернись ей для этого хоть малейшая возможность. Эгвейн сама с радостью отправилась бы купаться вместе с Луизой, но та считала, что сестра будет только мешаться у нее под ногами; набиваться же Луизе в компанию девочке мешала излишняя гордость. Эгвейн нахмурила брови. Все сестры обходились с ней как с неразумным ребенком. Даже Алене, когда та в кои-то веки замечала младшую сестренку. Боль-

шую часть времени Алене проводила, уткнувшись носом в страницу, читая и перечитывая книги из отцовской библиотеки. А у него было почти четыре десятка книг! У Эгвейн любимой книгой были «Странствия Джейина Далекоходившего». Она мечтала когда-нибудь увидеть все те необычные страны, которые он описывал. Но если Эгвейн читала книгу, а та оказывалась нужна Алене, сестра всегда заявляла, что книга для Эгвейн слишком сложная, и забирала ее!

Проклятие на всех вас четверых!

Девочка заметила, что некоторые из разносчиков воды устроили себе перерыв, кто-то уселся в тенечке, другие перешучивались друг с другом, однако она продолжала расхаживать туда-сюда, хотя руки у нее уже ныли. Эгвейн ал'Вир не станет отлынивать от работы. И она по-прежнему высматривала своих сестер. И Перрина. И Мэ-та. Будь проклята Адора! Да будьте вы все прокляты!

Оказавшись поблизости от Мудрой, Эгвейн приостановилась. Дорал Барран была самой старой женщиной в Эмондовом Лугу, а может, и во всем Двуречье; седая и хрупкая, она по-прежнему сохраняла острое зрение и прямую спину. Ученица Мудрой, Найнив, стояла на коленях спиной к Эгвейн и бинтовала ногу Байли Конгару. Одна штанина была распорота по бедру. Байли сидел на бревне; он был тоже из тех взрослых, выказывать которому должное уважение Эгвейн затруднялась. Вечно он совершал какие-то глупости и получал ушибы и раны. Будучи одного возраста с мастером Луханом, он выглядел по меньшей мере лет на десять старше с этими впалыми щеками и запавшими внутрь глазами.

— Неужели ты в прошлом мало валял дурака, Байли Конгар? — строго выговаривала миссис Барран. — Но выпивать, когда тебе ножницами для стрижки работать, — это хуже, чем просто дурость. — Как ни странно, но смотрела она при этом не на него, а на Найнив.

— Я лишь немного эля хлебнул, Мудрая, — прохныкал он. — Глоточек всего. Жара-то стоит какая!

Мудрая недоверчиво фыркнула, но взглядом коршуна продолжала следить за Найнив. Это было удивительно. На людях миссис Барран нередко хвалила Найнив за то, что девушка все схватывает на лету. Найнив в обучение она взяла года три назад, когда ее тогдашняя ученица умерла от некоей болезни, которую даже миссис Барран не сумела распознать. Найнив недавно осиротела, и многие поговаривали, что после смерти матери ее следовало отослать из Эмондова Луга к родственникам, а Мудрой взять в ученицы кого-нибудь постарше. Мать Эгвейн ничего такого не говорила, но девочка знала, что она думает именно так.

Стоявшая на коленях Найнив закончила бинтовать ногу и выпрямилась, удовлетворенно кивнув. К удивлению Эгвейн, миссис Барран опустилась на колени и размотала повязку, даже сняла хлебную припарку, чтобы осмотреть глубокий порез на бедре Байли, а затем вновь принялась обматывать его ногу полосой ткани. Вид у нее был... разочарованный. Но почему? Найнив начала теревить свою косу, подергивая ее, по своему обыкновению, когда нервничала или хотела обратить внимание на то, что теперь она уже взрослая женщина.

«Когда же она избавится от этой привычки?» — подумала Эгвейн. Почти год уже миновал с тех пор, как Круг женщин позволил Найнив заплетать волосы в косу.

Что-то мелькнуло в воздухе, и Эгвейн переместила взгляд. На деревьях, что окружали луг, воронов стало много больше, чем было. Десятки, много десятков, и все они наблюдали. Эгвейн знала, что наблюдали. Ведь ни один не попытался стащить с тарелок что-нибудь из еды. Это же просто ненормально. Подумать только, на столы с угощением птицы вообще не смотрели! Как и на столы, где женщины сортировали шерсть. Вороны наблюдали за мальчишками, которые разводили овец по загонам. И за мужчинами, которые стригли овец и таскали шерсть. И за ребятами, носившими воду. Не за девочками, не за женщинами, а только за мужчинами и мальчишками. Эгвейн готова была поспорить на что угодно, даже несмотря на запрет, который матушка наложила на споры с ней. Девочка открыла было рот, собираясь спросить у Мудрой, что все это значит.

— Разве ты закончила свою работу, Эгвейн? — поинтересовалась Найнив, не оборачиваясь.

От неожиданности Эгвейн вздрогнула. С прошлой осени она стала замечать за Найнив такое — та откуда-то узнавала, что Эгвейн рядом, даже не взглянув на нее, и Эгвейн очень хотелось, чтобы Найнив перестала себя так вести.

Найнив повернула голову и посмотрела на Эгвейн через плечо. Взгляд был пристальный, вроде того, который Эгвейн опробовала на Кенли. Она не обязана слушаться Найнив, ведь та — вовсе не Мудрая. Строгость Найнив к девушке объяснялась просто — она была ответом на то, что миссис Барран усомнилась в действиях своей ученицы. В голове у Эгвейн возникла мысль, не сказать ли Найнив, что миссис Айеллин хотела с ней поговорить о пироге. Но, поглядев на Найнив, Эгвейн решила, что эта идея, наверное, не такая уж и хорошая. В любом случае Эгвейн нарушила свой зарок: отлыни-

вала от работы, стоя тут и глаза на Мудрую и Найнив. Изобразив нечто похожее на реверанс, насколько это удалось с ведром в руке, — но адресуя этот знак вежливости отнюдь не Найнив, а Мудрой, — Эгвейн развернулась и зашагала прочь. И вовсе она не пляшет под дудку Найнив — мало ли что та на нее так посмотрела. Нет, конечно. И нисколючки она не спешит. Просто идет — быстрым шагом, торопится вернуться к работе.

Шагала она действительно быстро и вскоре — Эгвейн сама не успела сообразить как — снова оказалась возле столов, где женщины разбирали и раскладывали шерсть. И при этом почти что лицом к лицу — их разделял только стол — оказалась со своею сестрой Элисой.

Та складывала шерсть для упаковки в кипы, и получалось это у нее хуже некуда. Сестра выглядела расстроенной, даже Эгвейн почти не замечала, и та знала почему. Элисе было восемнадцать, но до сих пор ее длинные, до талии, волосы были перехвачены голубой косынкой. Не то чтобы Элиса всерьез задумывалась о замужестве — большинство девушек не торопились с этим еще несколько лет, — но она была на год старше Найнив. Нередко Элиса во всеуслышание возмущалась тем, что Круг женщин все еще считает ее слишком молодой. Трудно было ей не посочувствовать. Тем более что Эгвейн вот уже какую неделю размышляла о затруднительном положении Элисы. Ну, точнее говоря, размышляла она не совсем о ситуации, в какой оказалась Элиса, но именно это заставило ее задуматься.

На другом конце длинного стола Калли Коплин разговаривала с несколькими молодыми парнями с ферм, хихикая и теребя юбку. Она вечно болтала с кем-нибудь из мужчин, хотя сейчас, вообще-то, должна была укладывать шерсть в кипы. Впрочем, внимание Эгвейн Калли привлекла не поэтому.

— Элиса, не стоит так волноваться, — мягко сказала младшая сестра. — Мало ли что Бервин и Алене заплели волосы в косу в шестнадцать...

«Как и большинство девушек», — подумала Эгвейн. Она не только сочувствовала сестре. У Элисы было обыкновение вставлять в свою речь всякие присловья да поговорки: «Потерянный час обратно не воротишь» или «От улыбки работа легче», — пока от этих ее словечек зубы не начинали ныть. По собственному опыту Эгвейн знала наверняка, что улыбайся, не улыбайся, а ведро от этого ни на ковшик легче не станет.

— ...Калли вон двадцать, через несколько месяцев день рождения, а волосы у нее до сих пор в косу не заплетены, и что-то не видно, чтобы это ее сильно тревожило.

Руки Элисы замерли на овечьей шерсти. Почему-то женщины по обе стороны от девушки прикрыли рты ладонями, пряча смешки и улыбки. Почему-то лицо у Элисы стало красным. Ярко-красным.

— Дети могли бы и... — сдавленно начала Элиса и замолчала. Ее лицо хоть и горело румянцем, как закатное летнее солнце, но голос, несмотря на несвязную речь, был холоден, словно снег в середине зимы. — Ребенок, который болтает невесть что... Дети, которые...

Джилли Левин — она была на год моложе Элисы, а ее черные волосы уже были заплетены в толстую косу, спускавшуюся ниже талии, — упала на колени, давась от смеха и прикрывая ладонью рот.

— Проваливай отсюда, малявка! — рывкнула на сестру Элиса. — Взрослые тут работать пытаются!

Кинув на Элису возмущенный взгляд, Эгвейн повернулась и направилась прочь от рабочих столов, и при каждом шаге ведро било по ноге.

«Пытаешься кому-то помочь, кого-то приободрить — и вот что получаешь! Надо было сказать, что никакая она не взрослая, — сердито думала Эгвейн. — Пока Круг не разрешит ей косу носить, никакая она не взрослая. Вот что мне надо было сказать».

Гнев не отпускал Эгвейн, пока ведро опять не опустело; она наполнила его заново и лишь тогда решительно расправила плечи. Раз уж задумала что-нибудь сделать, то соберись и делай. Быстрым шагом она направилась напрямик к загонам для овец, не обращая внимания на тех, кто взмахом руки пытался ее подзвать к себе, желая попить. И вовсе она не отлынивает от работы! Мальчишкам ведь тоже водички хочется.

С десятков ребят дожидались у загонв момента, когда нужно будет отгонять овец; они смотрели на Эгвейн, которая им предлагала воду, круглыми от изумления глазами, они ведь и сами вполне могут напиться, когда отправятся к реке, но девчонка не отступала. И задавала один и тот же вопрос:

— Вы Перрина не видели? Или Мэта? Не знаете, где они?

Некоторые отвечали, что Мэт с Перрином только что погнали овец к реке, другие говорили, будто видели их ухаживающими за остриженными овцами, но Эгвейн не собиралась гоняться повсюду за ними: а то прибежишь куда-то, а там тебе скажут, что они с ми-

нута назад ушли. Наконец большеглазый паренек по имени Вил ал'Син, живший на одной из ферм южнее Эмондова Луга, спросил, глядя на нее с подозрением:

— А тебе они зачем?

Кое-кто из девочек называл Вила симпатичным, но Эгвейн считала, что торчащие уши придают ему смешной вид.

Она собралась смерить его суровым взглядом, но передумала.

— Мне... надо у них спросить кое-что, — промолвила Эгвейн. Ну, соврала чуть-чуть, подумаешь. Впрочем, она и вправду надеялась, что кто-нибудь из них даст ей возможность получить кое-какие ответы. Паренек долго молчал, изучая ее внимательным взглядом, она ждала терпеливо. «Терпение всегда вознаграждается», — часто говаривала Элиса. Слишком часто. Эгвейн с радостью напрочь забыла бы все присловья и поговорки, слышанные от Элисы. Она и пыталась их забыть. Но даже если пнуть Вила по голени, это не поможет добиться от него того, что ей надо. Пусть даже этого пинка он и заслуживает.

— Они вон там, за тем дальним загоном, — ответил наконец Вил, кивком указав на восточную часть луга. — Где овцы с метками Пайта ал'Каара. — Мальчишки, гонявшие овец, именно так и должны были говорить, хоть это и не совсем вежливо, иначе никто бы не догадался, о чьих овцах речь — Пайта ал'Каара, Джака ал'Каара или чьих-то еще из дюжины прочих ал'Кааров. — Имей в виду — они просто отдыхают. Гляди, чтобы они нагоняя не получили, если ты кому-то что-то другое скажешь...

— Спасибо, Вил, — сказала Эгвейн, продемонстрировав, что она может быть вежливой даже с таким шерстеголовым тупицей. Как будто она сразу же сплетничать побежит. Мальчишка выглядел изумленным, и она подумала: а может, все-таки стоит пнуть его по голени?

Просторный загон, где держали остриженных овец Пайта ал'Каара, располагался почти у самых деревьев на краю луга, у опушки Мокрого леса. Крупная черная овчарка мастера ал'Каара, лежавшая перед загоном, вскинула голову, посмотрела на приближавшуюся Эгвейн и снова опустила ее на лапы. Эгвейн настороженно следила за псом. Она не очень любила собак, и тем, похоже, девочка тоже не слишком-то нравилась. Однако мысли об овчарке сразу вылетели у нее из головы, как только она подошла поближе и разглядела позади загона группу мальчишек. Щелястое ограждение загона было хоть и плохим укрытием, но распознать, кто там есть кто, ей не удалось.